

Всего одиннадцать! или Шуры-муры в пятом «Д»

Автор:

[Виктория Ледерман](#)

Всего одиннадцать! или Шуры-муры в пятом «Д»

Виктория Ледерман

Ради любви – первой в жизни! – Егор и Никита готовы на все. Купить на скопленные деньги огромный букет цветов, засыпать единственную-неповторимую подарками, чудом достать билет на желанный для нее концерт – пожалуйста! Вот только влюбились друзья в одну и ту же девочку – новенькую в пятом «Д», Ангелину. Да что там билеты и цветы: кто из них готов рискнуть жизнью ради любимой и что дороже – любовь или мужская дружба? Не важно, что им всего одиннадцать: чувства – самые настоящие! И нестандартный характер предмета их любви только доказывает, что все в этой жизни бывает по-взрослому, и это совсем не легко.

Новая книга Виктории Ледерман написана в форме чередующихся монологов трех главных героев. Повествование переключается то на размышления Ангелины, которая жаждет внимания и ловко манипулирует одноклассниками, то на метания добродушного хулигана Егора, то на переживания рефлексирующего «ботаника» Никиты. Читатель же получает редкую в детской литературе возможность понять и прочувствовать каждого персонажа «изнутри», не ассоциируя себя лишь с кем-то одним. Следить за эволюцией Егора, Никиты и Ангелины, за их мыслями и чувствами – процесс увлекательный и волнующий!

Вечный для взрослой и необычный для детской литературы сюжет – любовный треугольник – переживается его участниками в одиннадцать лет столь же остро, как и в старшем возрасте. Сквозь узнаваемые реалии наших дней – супермаркеты, соцсети, компьютерные игры – проступают детали, переживавшие из детской классики: мальчишеское геройство, чувство локтя, закаляющиеся от страницы к странице характеры. И повесть о современных пятиклассниках вдруг оказывается мостиком к внутреннему росту и взрослению.

«Всего одиннадцать! или Шуры-муры в пятом „Д“» продолжает традиции первых двух книг Виктории Ледерман, «Календарь ма(й)я» и «Первокурсница»: она такая же кинематографичная и насыщенная событиями, такая же неназидательная и зовущая к обсуждению. Предыдущие повести писательницы, изданные «КомпасГидом», стали хитами и уже заняли почетные места на книжных полках – где-то рядом с Анатолием Алексиним и Виктором Драгунским. Новая повесть рассчитана на подростков и наверняка быстро найдет своих поклонников.

2-е издание, исправленное.

Виктория Ледерман

Всего одиннадцать!

или

Шуры-муры в пятом «Д»

© Ледерман В. В., текст, 2017

© ООО «Издательский дом „КомпасГид“», 2017

Ангелина Ожегова

– Нет, я с ней с ума сойду! – мама почти кричит. – Антон! Иди сюда!

Папа не отзывается. Наверное, завтракает. А когда он завтракает, его вообще ничего не касается. Ну и хорошо. Я упрямо сдергиваю с головы все заколки с бабочками, ягодками и прочей ерундой. И освобождаю волосы от резинок. Я что, совсем чокнутая – идти в школу в этих детских побрякушках? Они мне еще

бантики привязали бы, как какой-то первоклашке! На меня сегодня и так все будут пялиться, как на зверюшку в зоопарке. Мало того что я новенькая, так еще и появлюсь в классе не первого сентября, как все, а десятого. Все уже отучились две недели, а тут я, здрасьте-пожалуйста! Вся такая нарядная, как с картинки. В клетчатом сарафане, блузке с кружевным воротничком и розовыми заколками-бабочками. Да еще волосы белые и пушистые.

Я обхожу дверцу шкафа с вывешенной на ней школьной формой и достаю джинсы.

– Антон! – теперь уже кричит мама. – Она хочет идти в школу в джинсах, как оборванка!

Я молча сажусь на постель и натягиваю джинсы. И при чем тут оборванка? Джинсы очень даже приличные, модные, сейчас все девчонки в таких ходят. Ну, то есть ходили, в старой школе. Вернее, после школы, во дворе. В школе мы все носили форму. Оно и понятно: мелкие были, глупые, младшая школа. Но теперь то – пятый класс! Сложные предметы, разные учителя, взрослая жизнь. Разве я в одиннадцать лет не могу решить, что мне надевать в школу?

Появляется папа и, тяжело отдуваясь, смотрит на меня. Он высокий и грузный. Ему всегда тяжело после завтрака. У него красное лицо, а на висках блестят капельки пота. Я смотрю на капельку, которая застыла в волосах возле уха, и продолжаю застегивать джинсы.

– Ангелина, – спокойно говорит папа. – Переоденься. Ты. Пойдешь. В школу. В форме. Как. Нормальная. Ученица.

Он всегда говорит спокойно, когда сердится. Он произносит слова четко и отдельно, как будто вбивает гвозди. Прямо в голову. И от этого хочется заорать и врезаться головой в стену. Чтобы все эти гвозди повылетали и голова освободилась.

Но орать нельзя. И возражать нельзя. Папа сразу начинает «принимать меры». Это даже хуже, чем «гвозди в голову». Самая противная «мера» – это когда тебя сажают в комнату и ничего не разрешают делать. Совсем ничего. Нельзя читать, смотреть телевизор, играть в планшет, брать в руки различные вещи, рисовать, разговаривать, петь... Ничего нельзя. Даже спать. Можно только сидеть и

думать о своем поведении.

Хорошо еще, что никто не может читать мысли. И даже если думать не о поведении, а о чем-то другом, этого никто не узнает.

Поэтому орать нельзя. А молчать можно. Я и молчу. И продолжаю одеваться. Я беру с полки свою любимую майку-топик с Джастином Бибером.

- Ангелина! - в изнеможении кричит мама.

- Ан-ге-ли-на, - уже по слогам произносит папа. Еще тише, чем вначале.

Я знаю, что сейчас будет.

Я знаю, что все равно пойду в школу так, как хочет папа. Знаю, что вечером буду сидеть в комнате в одиночестве и еще неделю не смогу пользоваться своим телефоном. И гулять, скорее всего, мне тоже не придется долгое время.

Все знаю. Но не могу остановиться. Я медленно беру свою стильную сумку, подарок тети Жени, и под пристальным папиным взглядом иду в коридор обувать любимые конверсы. Взбешенный папа рычит, а мама с красными пятнами на шее хватается за свой ингалятор.

Я появляюсь на пороге своего нового класса через десять минут после звонка в ужасном настроении, в клетчатой школьной форме, в белых носочках и с розовым рюкзаком за спиной. А в коридоре стоит мама и следит, чтобы я не сняла резинки и не распустила волосы.

Никита Белоусов

До чего же несправедливо составлен классный журнал! Все фамилии расписаны по алфавиту, от «А» до «Я». Первый в списке Абрамов, потому что он на «А». Но это только так считается, что он первый. Абрамов у нас на домашнем обучении и в классе практически не появляется. Все уже забыли, как он выглядит. Так что на самом деле первая буква в нашем журнале - это «Б». Моя буква. Я ведь

Белоусов. У нас на «Б» целых три фамилии. Но моя все равно самая первая. Потому что правило алфавита переносится и на вторую букву тоже. У меня вторая буква «е», а она идет раньше, чем «о» у Бондарева и «у» у Буркиной. Вот и получается, что я всегда иду отвечать первым. А первому намного сложнее, он ведь еще не переключился с перемены на урок, и настроение у него совсем не рабочее. Да и учитель еще не устал и слушает внимательно.

Мой лучший друг Егор говорит, что я все выдумываю и что вызывают к доске не по списку. Его фамилия, мол, в самом конце алфавита, на букву «Ф» – Фомин, а спрашивают его куда чаще, чем меня. Я знаю, почему его спрашивают чаще – из-за двоек и троек. И из-за того, что он почти никогда не готов к уроку. Но меня-то все равно вызывают первым. Особенно сейчас, когда мы перешли в пятый класс и вместо нашей доброй и терпеливой Татьяны Юрьевны получили целый отряд незнакомых учителей. У всех разные имена, характеры, требования. Мы для них тоже чужие и непривычные. Они нас совсем не знают. А когда учителя не знают, кого спросить, они смотрят в журнал. А там я, Белоусов, самый первый по списку. И вызвать к доске Белоусова намного проще, чем отыскивать среди других фамилий какого-то Фомина, пусть даже с двойками.

Вот и сейчас Елена Васильевна раскрывает журнал. «Елена Васильевна – русский, литература – классная». Это у меня в дневнике так записано. Не в том смысле, что сама Елена Васильевна классная, а в том, что она наш главный учитель, как бы вместо Татьяны Юрьевны. А главный учитель называется классным руководителем.

Хотя, может быть, Елена Васильевна классная и в другом смысле. Мы еще не поняли.

– Кто же пойдет отвечать? – говорит она интригующим тоном, и мы все как можно ниже наклоняемся над партами. Чем ниже – тем незаметнее. А кто вообще лег на парту, того, считай, и в классе-то нет. Но Елена Васильевна на нас и не смотрит. Она смотрит... куда? Правильно, в журнал.

– А отвечать пойдет... – она делает короткую паузу и водит другим концом ручки по списку. У меня гулко бьется сердце: только не сегодня, только не сегодня. Сегодня я не готов, даже учебник не открывал. Я выучу на следующий урок, обязательно выучу, даже два параграфа, только пусть меня сегодня не спрашивают.

– Белоусов! – наконец провозглашает Елена Васильевна, и по классу проносится вздох облегчения. А я обреченно встаю. Так и знал! Ну конечно, Белоусов, кто ж еще?

Я иду к доске и не знаю, как буду выкручиваться, потому что даже не представляю, что задавали. А выкручиваться и вовсе не умею. Это Егор у нас мастер на такие штучки.

– Назови нам главных героев сказки, Никита, – говорит Елена Васильевна, еще раз заглядывая в журнал, чтобы вспомнить мое имя.

– Какой сказки? – удивляюсь я. Корцева на передней парте раскрывает учебник на нужной странице, а ее сосед Бондарев начинает громко шептать:

– «Царевна-лягушка», «Царевна-лягушка».

Я в замешательстве смотрю на него и молчу. Что он такое говорит? Разве нам могли задать сказку «Царевна-лягушка»? Это в пятом-то классе! Скорее всего, Бондарев издевается, хочет, чтобы я опозорился перед классом. Но почему? Вроде бы ничего плохого я ему не сделал.

Если бы это сказал Егор, я поверил бы ему сразу, в ту же секунду. На Егора можно положиться, он никогда не подведет. Но Егора сегодня почему-то нет, его первая парта в третьем ряду пустует, и надеяться не на кого.

Вместо того чтобы думать о деле, я стою и вспоминаю, чем мог обидеть Бондарева.

– Ну? – торопит Елена Васильевна. – Ты не читал сказку?

– Как же не читал? Очень даже читал, – бормочу я. – Хорошая сказка, интересная. И конец... тоже хороший.

Класс начинает хихикать. Они всегда так: когда за партами сидят, все смелые и остроумные. И дружные. Против того, кто у доски.

– Хорошо, тогда скажи, к какому жанру сказок она относится, – говорит Елена Васильевна.

– Народная, – шипит с первой парты Бондарев и поправляет очки. Он постоянно их поправляет. Он только несколько дней их носит и еще не привык, что на носу у него что-то есть.

– Народная, – осторожно повторяю я. Как ни странно, попадаю в точку. Неужели и в самом деле нам задали читать «Царевну-лягушку»?!

– Правильно, – кивает Елена Васильевна. – Какие особенности народной сказки ты в ней обнаружил?

Я молчу. Кто ж его знает, какие там особенности, в народной сказке?

Бондарев тянет руку вверх и от нетерпения подпрыгивает на парте. Надоело подсказывать, хочет сам заработать оценку.

– Помоги Белоусову, – разрешает Елена Васильевна.

– Присказка, повторы, зачин, концовка, постоянные эпитеты, – выпаливает он скороговоркой и, довольный, садится на место.

– Никита, дай определение каждой особенности и приведи примеры из текста, – Елена Васильевна снова поворачивается ко мне.

Все понятно, не «Царевну-лягушку» мы проходим, а сказки вообще. Устное народное творчество. Положение хуже некуда. Теперь, пожалуй, мне не отвертеться от двойки. Ладно бы еще по математике, я с ней не очень лажу, но русский и литература! Это же мой конек. У меня и сочинения лучше всех в классе, и по стихам у меня всегда пятерки. Я и в выпуске стенгазеты участвую, и для школьного сайта пишу небольшие заметки. Говорят, что у меня литературные способности и врожденная грамотность. Татьяна Юрьевна обнаружила у меня эту «врожденную грамотность» еще во втором классе. Я самих правил не помню, а слова пишу правильно и запятые ставлю там, где надо.

Я старательно морщу лоб и делаю вид, что вспоминаю все эти «зачины» и «эпитеты». Да я бы выучил их за десять минут, если бы вчера не обманул маму. Так глупо вышло! Мама вечером спросила: «Ты уроки все выучил?» А я сидел за компьютером, мне так не хотелось отвлекаться, чтобы объяснять, что у меня осталась невыученной только литература! Я ее собирался почитать перед сном. Ну я и сказал маме: «Угу». А мама сказала, что это очень хорошо, и если я свободен, то могу посидеть с Маринкой, пока они с папой съезжают в бассейн. А с Маринкой разве поучишь? Ей девять месяцев, она ходить еще не умеет, но очень шустро ползает. Вот мы и ползали с ней весь вечер, до одиннадцати часов, пока мама с папой не вернулись. А потом уже поздно было признаваться, что у меня литература недоучена.

– Ну что, Никита, – окликает меня Елена Васильевна, – мы услышим от тебя что-нибудь вразумительное?

Я тяжело вздыхаю и уже собираюсь признаться, что с вразумительным ответом сегодня ничего не выйдет. Но тут открывается дверь, и в кабинет входит наш завуч с какой-то девочкой. Полная женщина в очках – наверное, мама девочки – остается в коридоре.

– Это ваша новая одноклассница, – говорит завуч. – Познакомьтесь. Ангелина Ожегова.

– Ожегова, – поправляет из коридора женщина в очках. – Ударение на первый слог. Как толковый словарь.

Девочка молчит и смотрит в пол. Она вся такая аккуратная в своей школьной форме в клеточку. И волосы у нее светлые и воздушные. Она похожа на сказочную фею.

– Иди, Никита, на место, – говорит Елена Васильевна. – Надеюсь, на следующем уроке ты будешь более разговорчивым. Готовься, обязательно тебя спрошу.

Я возвращаюсь за парту. Повезло, не схлопотал двойку. Это новенькая мне помогла. Ангелина Ожегова. Она моя спасительница. Елена Васильевна сажает ее на соседний ряд, через проход от меня. Я упираюсь лбом в согнутые руки, как будто читаю учебник, а сам незаметно поглядываю вправо. Новенькая сидит неподвижно, опустив голову. Но вдруг, в какой-то момент, я ловлю на себе ее

быстрый взгляд и вздрагиваю от неожиданности. Я вижу ее глаза. Они у нее синие-синие, как небо летом. И как море в Турции.

Егор Фомин

Дать бы ему в лоб, этому борзому пацану в конце очереди! Сидит, наглый такой, улыбается. И смотрит ехидно, будто он сам туда не пойдет, в этот жуткий кабинет. Его счастье, что с мамашей пришел, а то уже схлопотал бы по шее за свои ухмылки. У меня разговор короткий: чуть что – сразу в глаз. Андрей, мой отчим, всегда говорит: нельзя себя в обиду давать, нельзя быть слабаком. Задевают – сразу бей, не раздумывай. Пусть тебя боятся, а не ты.

Открывается дверь, выходит девчонка, держится за щеку. И глаза какие-то безумные. То ли от страха, то ли лекарство вкололи. У меня ноет живот. Моя очередь. Я с трудом глотаю слюну.

– Идите, – говорю я бабусе с мелким пацанчиком. Тот испуганно скулит.

– А сам чего? – спрашивает бабуся. – Твоя же очередь.

– Да не моя, – говорю, – другу занял. А его все нет.

Бабуся встает, силой тащит в кабинет внука. Я глубоко вздыхаю. Наглый пацан снова улыбается. Ох, как бы я ему врезал, если бы он был один!

Да, я пропустил уже троих. А сам сижу в очереди полтора часа. Может, уже два. Как назло, забыл дома телефон, даже время убить нечем. Все потому, что собирался впопыхах. Зуб болел так, что хоть на стенку лезь. Мама дала таблетку и выпроводила к врачу. Сказала: иди, с острой болью принимают без талонов. Я пришел, да не просто пришел, а примчался! А тут боль взяла и прошла. От таблетки или от надписи на двери «Стоматолог-терапевт», не знаю. А как войти в кабинет без этой самой «острой боли»? Ноги-то не слушаются, не идут туда. Вот и сижу здесь, в этом коридоре, ни туда ни обратно. И домой тоже нельзя, мама дома. Узнает, что зуб не вылечил, вечером Андрею расскажет. И он будет считать меня слабаком.

Андрей – настоящий герой, он в спецназе служил и на войне был. А теперь пожарным работает. Он в горящий дом идти не боится. Он в огонь как на работу идет, каждый день. А я к зубному врачу один раз войти не могу... Трус!

Но в этот кабинет реально страшнее, чем в огонь!

Бабусин внук орет на весь коридор. Надо же, дверь закрыта, а слышно, как будто он рядом. Моя рука сжимает обломанный край сиденья. Сама сжимает, без меня. Даже не замечаю, как деревянные края впиваются в ладонь. Потом долго разглядываю красно-белые следы.

Из кабинета пульей вылетает внук. За ним спешит-спотыкается бабуся. Я с трудом поднимаюсь. Сейчас или никогда. Как в тумане вижу гадкую усмешку пацана. Мне кажется, что это Андрей. Это он смотрит насмешливо и презрительно. Я не могу вынести этот взгляд. И я иду. На деревянных ногах. Прямо туда, в кабинет. И сажусь в пыточное кресло, и раскрываю рот. И зажмуриваюсь, когда в десну вонзается игла.

Я прихожу в себя уже дома. Отрываю голову от подушки и языком осторожно щупаю запломбированный зуб. Язык плохо ворочается – наверное, из-за укола.

– Проснулся? – говорит мама. – Что тебе там вкололи? Пришел и сразу спать лег. Три часа проспал.

Я не отвечаю, я устал. Я вернулся с войны. Победителем.

– Тебе уже есть можно. Будешь? – спрашивает мама. – Я блинчиков напекла.

Обожаю мамины блинчики. Но буду ждать Андрея. Здорово ужинать вместе с ним. Как хорошо, что он теперь с нами живет.

Трезвонит-надрывается звонок на двери. Это Кит. Только он один звонит в дверь, а не в домофон. Мы живем в одном подъезде. Я на втором этаже, он на пятом. Кит – это Никита, мой лучший друг. Мы дружим уже одиннадцать лет.

– Егор, ты заболел? – кричит с порога Кит. – Почему в школу не пришел?

– У зубного был, – говорю я и иду ему навстречу. Меня качает.

Кит передергивает плечами и спрашивает:

– Ну и как? Страшно?

Я оглядываюсь: не слышит ли мама? Нет, она в кухне.

– Да жуть вообще! Я даже слинять хотел, – говорю я правду. Ему я всегда говорю правду. Кит понимающе кивает. Потом говорит:

– А к нам новенькая пришла...

Ангелина

Заканчивается вторая неделя в новой школе. Мне здесь не нравится. На меня все смотрят как на помешанную. Кроме меня, никто не ходит в форме. У них, оказывается, и формы никогда не было. Девчонки приходят, кто в чем хочет – кто в платьях, кто в коротких юбках, а кто даже в джинсах. И только я – в школьном сарафане. Потому что так хочет папа. И спорить с ним бесполезно. Он не понимает, что я выделяюсь из всех, что меня сразу видно в классе. И на меня все оглядываются, шепчутся и хихикают. А когда классная руководительница похвалила меня за то, что я выгляжу очень опрятно и с меня всем надо брать пример, стало еще хуже. Со мной вообще перестали разговаривать. Моя соседка сбежала на первую парту, сказала, что ей плохо видно доску. И теперь я сижу одна. И хожу на переменах одна, и ем в столовой одна. Это Ирка Мальцева всех настраивает против меня, крыса ушастая. Она у них считается первой красавицей, модно одевается, ногти красит. Правда, лак бесцветный, чтоб учителя не ругались, но все равно видно, что ногти красивые и гладкие как пуговики. У нее тонкие изогнутые брови и длинная коса, аж до поясницы. И она вся такая крутая, все ей в рот смотрят. Девчонки, конечно. Они готовы затоптать друг друга, лишь бы постоять с ней рядом или посмотреть новые фотки в ее телефоне. Показать ей свои фотки – так это вообще честь! А уж если она посмотрела и снисходительно сказала: «Ну супер» – то тут вообще счастья полные штаны. «Ой, Ирочка, а мою посмотри! А мою!» Слушать тошно.

Мальчишки у них вообще лопухи, взглянуть не на кого. Носятся по коридору, скачут как детсадовцы, друг через дружку, орут до хрипоты. Или включают музыку на телефоне, наденут кепки козырьком набок и танцуют хип-хоп. Вернее, думают, что танцуют. А сами даже движения повторить не могут, машут руками и ногами как коряги. Одиннадцать лет, а мозгов нет.

Все тут странное и непривычное. Класс маленький, всего восемнадцать человек. Со мной – девятнадцать. Меня сюда и приняли, потому что место было. То ли дело в моей старой школе – тридцать пять учеников, и девчонок в два раза меньше, чем мальчишек. Вот где было клево! В четвертом классе мой рюкзак трое таскали, по очереди. А еще пятеро им завидовали. Там я была самая красивая и самая крутая. И все хотели со мной дружить. И буква у класса была хорошая – «А». Четвертый «А». Как звучит! А здесь? Пятый «Д» – «дэшки». Никогда такого не слышала. И кстати, почему именно «Д»? В школе всего четыре пятых класса: «А», «Б», «В» и вдруг сразу «Д». А где «Г»? Почему ее пропустили? Получается, на самом деле мы – пятый «Г»? Жуть какая-то. И надо было папе записать меня именно в этот дурацкий класс!

Сегодня суббота, и мы едем в цирк, всем классом. Я не хочу ехать, но мама говорит, что нельзя отрываться от коллектива. Я пытаюсь ей объяснить, что я и так не в коллективе, я уже оторванная от него. И что мой коллектив остался там, в старой школе. А здесь не коллектив, а банка с ядовитыми пауками. Но мама не слышит. Она никогда меня не слышит.

И я еду. Хорошо, что папы нет дома и я могу надеть джинсы. Хотя мама протягивает мне форму. Она говорит, что это школьное мероприятие, и я должна там выглядеть ученицей. Но я решаю, что лучше целый год буду терпеть папины «меры», чем появлюсь в цирке, как идиотка, в школьной форме.

Я наконец-то одеваюсь нормально. И беру любимую сумку. И распускаю волосы. Они у меня пышные и волнистые. Если не утягивать их резинками и заколками, они рассыпаются по плечам светлыми воздушными локонами и выглядят как у моделей в рекламе. Хочу еще накрасить губы (всего лишь блеском, не помадой), но мама мертвой хваткой впивается в мою руку и набирает папин номер. Вырываюсь и бегу из дома так, с ненакрашенными губами.

Но зато это шок! Для всех. И в первую очередь для Мальцевой и ее свиты. Они меня даже не узнают сначала. А когда узнают, то застывают с разинутыми ртами. И прирастают к сиденьям. А я небрежной походкой прохожу мимо них в

конец автобуса. Всю дорогу до цирка я вижу, как они шепчутся и стараются не оглядываться. А блондинчик рядом со мной (кажется, Белоусов) вообще не сводит с меня глаз. Когда я поворачиваюсь и в упор смотрю на него, он краснеет и опускает голову. И долго пялится на свои кроссовки.

Ну, кажется, не все так плохо. Жизнь налаживается.

Никита

В фойе огромного красивого цирка шумно и людно. Кажется, что здесь собрался весь город. Наш класс толпится перед входом в зал, а Елена Васильевна постоянно нас пересчитывает. Видимо, боится, что мы потеряемся в толпе. Просит никуда не уходить без ее разрешения. Зря волнуется: никто даже с места не двигается. Мальчишки плотным кольцом окружили Егора с планшетом. Он им показывает, как в игре закладывать «бомбочки» на мосту, чтобы противник не смог их разминировать. А девчонки выстроились возле Мальцевой, наряды свои демонстрируют. Они всегда так делают, когда мы куда-то едем с классом. И почему девчонкам обязательно хвастаться друг перед дружкой? Вечное соревнование у них – кто моднее оделся. Для чего? Чепуха какая-то. Они и в сторону мальчишек поглядывают и специально громко хохочут. Ой, посмотрите, как нам весело! Наверное, над клоунами так смеяться не будут, как сейчас. Они всерьез думают, что все сейчас оторвутся от стрелялки и обратят на них внимание?

Я тоже в толпе мальчишек, возле Егора. Только смотрю не на экран планшета, а на Ангелину, которая одиноко стоит в стороне. Когда я на нее смотрю, у меня приятно щекочет в горле, а по спине бегут ледяные мурашки, хотя в фойе совсем не холодно.

– Понятно теперь? Кит, ау, ты где? – говорит вдруг Егор и щелкает пальцами перед моим лицом. – Куда ты смотришь?

– Сюда, на мост, – говорю я и тыкаю пальцем в экран. – Куда мне еще смотреть?

В зале я меняюсь местами с высоким Бондаревым, говорю, что мне не видно арену. Егор недовольтно бухтит, что я от него ушел и теперь ему не с кем поприкалываться. Но с моего места и правда не видно, а с места Бондарева она как на ладони. Не арена, конечно. Ангелина.

Я почти не смотрю представление, не обращаю внимания на возню, выкрики и смех моих соседей. В полумраке зала я вижу только ее силуэт. И мне почему-то хорошо оттого, что она здесь.

С этим же ощущением я еду домой.

- Ну как тебе? - спрашивает папа. - Понравилось?

- Очень! - искренне говорю я.

- Ну надо же, - удивляется мама. - А маленький был, цирк терпеть не мог.

- Растет парень, - говорит папа и скачет по комнате с Маринкой на шее. - Давно ли я тебя вот так же катал? Словно вчера.

Ага, так недавно, я даже не помню. Это было еще в начале жизни, одиннадцать лет назад. Как это может быть «словно вчера»? Странно, какая разная память у взрослых и детей.

Вечером я сажусь писать сочинение «Один летний день». Елена Васильевна задала нам его на понедельник. Она попросила описать всего один день из прошедшего лета. Но такой день, который больше всего запомнился, который оставил в душе неизгладимый след. Да, она прямо так и сказала: «Неизгладимый след в душе». Я сразу понял, что она имела в виду. У меня есть такой день. Только он не из лета, а из осени. Это день, когда Ангелина пришла в наш класс.

Но как я могу писать о таком? И я пишу, как летом на даче мы с папой нашли маленького щенка и стали кормить его Маринкиной кашей. Я ничего не придумываю, это правда. Щенок действительно жил у нас два месяца, а потом мы отдали его в частный дом нашим знакомым. Мама не разрешила забрать его к нам домой из-за Маринки. Но мне почему-то кажется, будто Елена Васильевна

сразу догадается, что совсем не этот день оставил в моей душе «неизгладимый след». Разве может щенок, даже такой славный, сделать так, чтобы в голове звучала красивая музыка, а в животе трепетали бабочки? И чтобы в пасмурный день казалось, что вокруг светло и радостно? И чтобы каждое утро хотелось бежать в школу, чтобы увидеть ЕЕ...

Егор

Блин! Сочинение! Вот засада! Его же надо сдать завтра утром. А сейчас уже половина двенадцатого ночи. Совсем из головы вылетело! Да мне все выходные как-то не до него было. Я седьмой уровень проходил. Но так и не прошел. Мама взбунтовалась не по-детски. Ворвалась ко мне с горящими глазами и зверски вырубил комп. Прямо из розетки. Я даже сохраниться не успел. А потом вырвала сетевой провод и забрала его к себе под подушку. Чтобы я не смог включить комп ночью. Я иногда так делаю, когда Андрей в карауле, как сегодня. И снова завела свою песню, что я отбилась от рук, что по-хорошему не понимаю.

Я-то как раз все понимаю. А вот она и правда не понимает. Сто раз ей говорил, что так нельзя комп вырубать. И зачем так лютовать вообще?

А теперь еще это сочинение! Как я без компа обойдусь? Сейчас бы нашел темку в инете и быстренько перекачал в тетрадь. Перед уроком дал бы Киту на проверку, и все было бы тип-топ. А теперь что? Снова пару получать? У меня и так их уже две штуки, одна по русскому, одна по литре. Куда мне еще? Андрей обещал, что разберется со мной, если за ум не возьмусь.

А как взяться-то за него без компа?

Я отсылаю Киту эсмэску: «Спишь?» Почти сразу получаю ответ: «Лег. А что?» – «Горю, выручай». – «Как?» – «Надо сочинение написать». – «Сейчас?!» – «Ну не завтра же».

Телефон вибрирует на беззвучном режиме. Звонит Кит.

– Ты что, рехнулся? – шепчет он. – Ты днем не мог написать?

- Не мог, - говорю. - Я только что вспомнил.

- Ну ты и балбес.

- Знаю. Кит!

- Чего?

- Мне никак нельзя двойку. Я Андрею обещал. Ну Кит!

- Ослиная твоя башка.

- Ага.

Чувствую по голосу: сдается. Уже думает, как мне помочь. Я знаю, он не бросит меня. Это же Кит!

Мы договариваемся, что я сейчас приду к нему. Попроюсь тайком, как вор. В двенадцать ночи. На свой страх и риск. Кит, конечно, тоже рискует. Его мама часто просыпается из-за Маринки. И заодно заходит к нему в комнату. Поэтому ко мне идти он не может. А моя мама не просыпается, ее пушкой не разбудишь. Если не пытаться достать провод от компа у нее из-под подушки.

Поднимаюсь на пятый этаж. Кит уже ждет меня возле двери. Проскальзываю в темный коридор. Кит осторожно хрустит ключом в замке. Этот звук не просто громкий, он оглушительный. Мы замираем на месте. Ничего, все спокойно. Из глубины квартиры доносятся храп и тихое хныканье Маринки. Хорошо, что входная дверь далеко от спальни родителей. Эх, и досталось бы нам, если бы нас застукали тут, в коридоре, ночью!

Мы с Китом сидим на постели и придумываем мой самый интересный летний день. Кит стучит по клавишам ноутбука. Так быстрее, и ошибки красным подчеркиваются. Хотя ему это не нужно, он и так пишет правильно. У него какое-то чутье на ошибки. Вот бы мне так!

Проходит час, сил уже нет. Мы зеваем по очереди. Хочется вытянуться на кровати во весь рост и закрыть глаза. Остается немного, три-четыре

предложения для концовки. Но они не придумываются. Мысли закончились. Кит яростно трет лоб. Я бы уже давно плюнул и пошел спать. Ну подумаешь, сочинение не закончено. Оно же есть. Значит, двойки не будет. Но Кит не отступит, он настырный. Я вздыхаю и жду. Сам ведь кашу заварил, чего уж теперь.

Наконец все готово. Я вытаскиваю из принтера листок с сочинением. Он горячий как пирожок. Утром перекатаю в тетрадь и сдам. Не забыть бы сделать несколько ошибок, испортить парочку предложений. Написать их как-нибудь коряво. А то у Кита слишком все правильно. Училка догадается, что не я писал.

– Спасибо, Кит, в жизни не забуду, – говорю я. Кит прижимает палец к губам и прислушивается. Потом вдруг резко пихает меня под стол, а сам прыгает в постель и укрывается с головой. Я еле умещаюсь под столом и осторожно тяну к себе стул. Хоть чем-то прикрыться. В темноте светится зеленая кнопка включенного принтера. Прямо не кнопка, а целый фонарь. Мне хорошо видно, как в дверях появляется мама Кита в халате. Она смотрит в сторону кровати, оглядывает комнату. Потом проходит мимо меня к окну, прикрывает форточку. Она стоит очень близко, и синие цветы на халате – прямо перед моими глазами. Стараюсь не дышать, но получается плохо. Чувствую, что, если сейчас она не уйдет, я задохнусь.

В голове рисуется картинка: вот у меня заканчивается воздух, я теряю сознание и вываливаюсь к ее ногам. Она пугается и тоже грохается в обморок. И в комнате возле стола валяются уже два бездыханных тела – результат «Самого интересного летнего дня».

Мне становится смешно. Это всегда так: если нельзя смеяться, то сразу так смешно, что, кажется, сейчас тебя просто разорвет от смеха. Я зажимаю рот руками, стараюсь думать о чем-то очень плохом и грустном. Но куда там! Вообще ничего грустного не могу вспомнить, как будто моя жизнь – сплошной праздник.

Мама Кита наконец выходит из комнаты. Очень вовремя. Я больше не могу сдерживаться. Смех клоочет во мне и вырывается наружу. Я на карачках выползаю из-под стола и смеюсь как ненормальный. Пока еще шепотом. Но разве можно долго смеяться шепотом? Кит скатывается с кровати и тычет мне в лицо подушкой.

- Тише ты, балда! - сердито шипит он. - Чуть не спалились.

Я смеюсь в подушку, захлебываюсь от нехватки воздуха и кашляю. Кит стаскивает с постели одеяло и наматывает мне на голову.

- Придурок, я же задохнусь, - смеюсь я и стараюсь выпутаться из одеяла.

- Так тебе и надо! Будешь сочинения вовремя писать, - громко шепчет Кит и тоже начинает смеяться.

Мы хохочем вдвоем, уткнувшись в одеяло. А потом очень долго сидим на кровати. Ждем, когда уснет мама Кита, чтобы я смог выйти из квартиры.

Ангелина

- Ключевская сопка - самый высокий вулкан Камчатки - на 4750 метров выше уровня моря...

Я сижу перед раскрытым учебником математики и читаю условия задачи. В седьмой раз. Или уже в восьмой? А может быть, даже в десятый. Наверно, я читаю условия уже два часа.

- Гора Белуха на Алтае на 244 метров ниже Ключевской сопки. Гора Народная на Урале на 2612 метров ниже Белухи, а гора Победа (хребет Черского) на 1253 метра выше Народной. На сколько метров Ключевская сопка выше горы Победа?

- Поняла теперь? - нервно спрашивает мама.

Я качаю головой.

- Читай еще раз.

- Ключевская сопка - самый высокий вулкан Камчатки, - покорно начинаю я, - на 4750 метров выше уровня моря. Гора Белуха на Алтае...

Я читаю снова и снова.

– Гора Народная на Урале на 2612 метров ниже Белухи, а гора Победа (хребет Черского) на 1253 метра выше Народной...

Непонятные названия громоздятся одно на другое, цифры путаются в голове. Мне кажется, что это совсем не я читаю, а какой-то робот. Робот произносит слова из учебника и совершенно не понимает их смысла. Робот и не может понимать, его задача – читать, чтобы не нервировать маму. А я в это время думаю о другом. Ведь в мои мысли никто залезть не может, а значит, не может меня за них ругать. В мыслях я могу улететь куда угодно, могу стать кем захочу и, главное, никто мне этого не запретит.

– На сколько метров Ключевская сопка выше горы Победа? – заканчиваю я читать. В пятнадцатый раз.

– Ну? – спрашивает мама. Она старается держать себя в руках, но я уже вижу, как по ее шее ползут красные пятна. Еще немного, и она перейдет на крик.

– Что? – тупо спрашиваю я.

– Что значит «что»?! – взрывается мама. – Ты условия задачи поняла или нет?

Ничего я не поняла. Какие-то сопки, какие-то белухи на Урале. Как это вообще можно понять? Но если я скажу «нет», мама тут же начнет кричать. И я киваю.

– Ну наконец-то! – восклицает мама. – Что надо узнать в первом действии?

Я смотрю на задачу и молчу. На мое счастье, с кухни раздается веселая мелодия. Это мамин телефон.

– Решай, я сейчас приду проверю, – говорит мама и выходит из комнаты. Я быстро достаю телефон, выхожу в интернет и нахожу там свою закладку – ответы на все задачи по нашему учебнику математики. Пока мама с кем-то разговаривает, потом гремит сковородой на кухне, я быстро списываю решение задачи в тетрадь. Когда мама подходит ко мне, мой телефон уже в сумке, а я старательно вывожу: «Ответ: на тысячу шестьсот три метра».

– Что это такое?! – вдруг оглушительно кричит мама. Я вздрагиваю, рука дергается и делает в тетради лишнюю длинную черту.

– Что? – я испуганно смотрю на маму.

– Ты что натворила? Ты человек или нет? Что ты меня изводишь?!

Мама уже не сдерживается. Она кричит во весь голос. Внутри у меня все сжимается в тугий комочек. Я смотрю на нее и совершенно не понимаю, что я такого сделала. Списала решение? Но ведь она не видела, это точно. Я успела убрать телефон.

– Ты что, тупица? Сколько раз тебе говорить: пиши синей ручкой! Синей, а не фиолетовой! И что это за почерк? Это не почерк пятиклассницы, это каракули! Это курица левой ногой писала! Вот это у тебя «о» или «а»? Понять невозможно! А вот здесь намазала...

Пронзительный мамин голос льется в уши как расплавленное стекло. Голове так горячо, что невозможно терпеть. Я чувствую этот голос, я его даже вижу и могу потрогать. Он распадается на разноцветные круги перед глазами.

– Нет, это не домашняя работа, это свинство какое-то. Ну-ка переписывай сейчас же.

Мама вырывает листок из тетради и кладет передо мной синюю ручку. Синюю, а не фиолетовую. Я трясусь головой. Сейчас, в тишине, мне кажется, что я оглохла.

– Хватит прикидываться дурочкой, – тяжело дыша, говорит мама. – Что из тебя вырастет, если ты уже сейчас непонятно что вытворяешь? Мы же с папой тебе добра желаем. За ум не возьмешься – вырастешь такой же непутевой, как твой брат!

Мама выходит, хлопая дверью. Я отодвигаю от себя тетрадь, хватаю телефон и бегу на улицу. Мама кричит мне вслед на весь подъезд, что, если я сейчас же не вернусь, со мной будет разбираться папа. По всей строгости. Но я даже не оглядываюсь.

Я сажусь на лавку в ближайшем сквере. Сажу и думаю о брате. О моем непутевом брате Артеме. И мечтаю о том, что он однажды придет и заберет меня к себе.

У нас дома это запретная тема. Уже несколько месяцев ни папа, ни мама не говорят об Артеме. Как будто его нет. Как будто он умер. Или даже как будто он никогда и не родился. Мама и папа не хотят о нем вспоминать. Они не понимают, как в нашей семье, у таких интеллигентных родителей, мог вырасти такой «моральный урод».

Наш Артем – игрок. Я услышала, как об этом говорят родители, когда мне было девять лет. Тогда я не понимала, что это значит. Но они говорили об этом с таким ужасом, что я начала подслушивать. Мне хотелось понять: что плохого, если Артем любит играть? Я ведь тоже играю – и в настольные игры, и в куклы, и в компьютер. Мама плакала на кухне и говорила, что Артем – конченный человек, его надо лечить. И что они не смогут его спасти. И что его когда-нибудь убьют. А я подслушивала в ванной и удивлялась, как можно говорить такие ужасные вещи про моего любимого брата. Разве он плохой? Он добрый и веселый. Он никогда меня не обижает. Все девчонки во дворе завидуют мне, что у меня такой взрослый брат. Он никогда не валяется пьяный под лавкой, как наш сосед дядя Коля, не дерется и даже не курит. Зачем его лечить? От чего спасать?

Потом оказалось, что Артем играет на деньги, на очень большие деньги. На такие большие, что и представить невозможно. Они каждый вечер ругались и кричали, все втроем. А потом Артем ушел из дома и совсем перестал к нам приходить. А играть не перестал. И проиграл такую кучу денег, что папа продал нашу большую квартиру в центре. И машину тоже продал. Мы переехали сюда, на окраину города, в тесную двухкомнатную квартирку. Я не хотела уходить из моей школы, но мама сказала, что так надо. Мы должны спасти Артема, поэтому будем теперь жить здесь. А ездить в старую школу отсюда никак не получится – на дорогу будет уходить два часа в одну сторону. Папе и маме тоже пришлось сменить работу. Этот переезд тянулся так долго, что в школу я смогла пойти только десятого сентября.

Вот мы и живем теперь здесь, в этом районе. Мне не нравится наша маленькая квартира, не нравится новая школа. Но на Артема я не сержусь. Как будто это совсем не связано – наша новая жизнь и брат. Я больше его не вижу. Мне сказали, что он уехал в другой город. О нем никто ничего не знает. Но мне все равно кажется, что он помнит обо мне. Он однажды придет и увезет меня от

папы с мамой. Он же знает, как тяжело с ними жить.

Никита

У меня появился секрет, о котором никому нельзя рассказать. Это и хорошо, и плохо. Хорошо потому, что он только мой, о нем никто не знает, ни одна живая душа. Это так таинственно, когда есть вещи, о которых знаешь только ты и больше никто в целом мире. А плохо потому, что об этом хочется говорить. Но нельзя. Это такой секрет, о котором можешь знать только ты.

У меня и раньше были секреты, о которых не знал никто. Никто, кроме Егора. Ему я могу рассказать все, даже то, что пишу стихи. Я их давно пишу, с самого детства. Раньше я их придумывал, а потом забывал, потому что не умел писать. А маме и папе говорить боялся, чтобы они не стали надо мной смеяться. А когда пошел в школу и научился писать, то стал записывать стихи в тетрадку и все равно никому не показывал. Даже не представляю, как можно показать их кому-то. Это же все равно что раздеться перед всеми. Даже хуже.

Только Егор видел эту тетрадь и читал мои стихи. Ему можно. Он и так знает про меня все. Вернее, раньше знал. А теперь у меня от него тайна. Иногда я и сам не могу в это поверить. У меня тайна от Егора. От моего Егора! Это так мучительно и досадно! Мне очень хочется ему рассказать. Но как? Какими словами?

Как рассказать, что мой любимый цвет теперь – синий, как море в Турции? И что, когда я прихожу утром в школу, мои глаза сразу ищут знакомый сарафан в клеточку, а когда мы встречаемся взглядами, я перестаю дышать? И что стихи теперь лезут из меня даже по ночам и я долго не могу уснуть?

Нет, нельзя рассказывать. Он не поймет. Как он может понять, когда я сам не понимаю?

Мы сидим на уроке рисования и рисуем натюрморт – фрукты на тарелке. Рисую я плохо, мои яблоки не похожи на яблоки, а груши больше напоминают перегоревшие электрические лампочки. Я осторожно бросаю взгляд вправо, на рисунок Ангелины, и замираю от восхищения. Вот это действительно яблоки!

Такие красивые, что хочется откусить. Как она хорошо рисует, совсем как настоящая художница!

Ангелина замечает, что я смотрю в ее альбом, и поворачивается.

– Чего смотришь?

– Очень красиво, – бормочу я. – У тебя здорово получается.

– Спасибо, – говорит она. – Я в художку ходила.

И улыбается. У меня колотится сердце. Она впервые со мной заговорила. Я возвращаюсь домой рассеянный, отвечаю невпопад, и Егор несколько раз спрашивает, что со мной такое.

А мама дома интересуется, не получил ли я двойку. Я протягиваю ей дневник – пусть убедится, что с оценками у меня все в порядке. Просто я не могу сейчас отвлекаться. У меня «прет» стих. В такие моменты я ничего не замечаю вокруг. Я вроде бы все вижу и все слышу, но все это от меня так далеко!

– Никита, сходи в магазин и аптеку, – говорит мама. – Маринка подкашливает, мы с ней сегодня не будем выходить. Вот список. И аккуратней, пожалуйста, деньги большие, сдачу считай.

Я машинально беру тысячную купюру, сую в карман. А сам продолжаю придумывать рифму к слову «волшебный». Ничего, кроме «хвалебный», в голову не лезет. Но «хвалебный» мне совсем не подходит. Придется поменять порядок слов в предложении, чтобы «волшебный» оказалось не в конце строки, а в начале. Но тогда нарушится размер...

Голова просто гудит от напряжения, я перебираю различные варианты и не замечаю, как дохожу до аптеки. И тут обнаруживаю, что мне нечем платить за Маринкины лекарства. У меня нет денег. Я лихорадочно шарю по карманам. Список здесь, а тысяча рублей словно испарилась. Я выхожу из аптеки и снова начинаю проверять все карманы, даже те, куда никогда ничего не кладу. Пусто. Я в недоумении сажусь на лавку возле аптеки. Как же так? Я помню, что мама мне дала тысячу и я положил ее в этот карман. Или в этот? Я не могу вспомнить,

куда именно я ее положил, но то, что она была у меня в руках, – это совершенно точно. Меня бросает в холодный пот. Неужели потерял? Что теперь делать? Как пойти домой и признаться маме? Я же знаю, что у нас сейчас туго с деньгами. Папа только что из отпуска, получка не скоро. А мама и вовсе не работает, с Маринкой сидит. Вот это я влип!

Я звоню Егору.

– Ты где?

– Дома, – торопливо говорит он, и я слышу звуки стрельбы и взрывов из его компьютера. – Тебе срочно? Меня окружают.

– Сдавайся.

– Обалдел?! Я этот уровень уже неделю пройти не могу. Позвони позже, а то я погибну.

– Позже погибну я.

Слышен его крик: «А-а, гады!» – и громкий удар мышкой по столу. Ощущение такое, что мышка разлетелась на куски.

– Все, теперь свободен? – спрашиваю я.

– Блин, Кит! – кричит Егор. – Вот надо было тебе сейчас позвонить? Мне все заново теперь проходить.

– Ерунда это все. У меня проблемы похуже, – говорю я и рассказываю, что случилось. Егор перестает злиться и спрашивает, чем помочь. Я прошу его зайти к нам (будто он не знает, что меня нет) и осторожно осмотреть коридор – вдруг я выронил деньги дома, пока собирался. У мамы я этого спросить не могу. Если денег нет и я их действительно потерял, я получу взбучку.

– Если бы она нашла эту тысячу, она бы тебе уже позвонила, – говорит Егор.

– Она могла не увидеть. Посмотри хорошенько.

- Как я посмотрю? Она же будет возле меня стоять.

- А ты попить попроси. Она в кухню пойдет, и у тебя будет время.

- Ага, я поднялся к вам воды попить. Дома же у нас нет воды.

- Ну не знаю... Придумай что-нибудь.

- Ладно, - ворчит Егор и отключается.

Я сижу на лавке и нетерпеливо постукиваю ногой по асфальту. Ну почему так долго? Что у них там происходит? Подняться на пятый этаж и спуститься с него - дело одной минуты. Отправить маму на кухню и осмотреть коридор - еще две. А прошло уже пятнадцать. Что можно делать пятнадцать минут?

Наконец телефон оживает. Егор говорит в трубку:

- Все окей. Нашел. Куда нести?

У меня будто гора с плеч сваливается. Не придется теперь объясняться с мамой, деньги целы. Как хорошо!

Мы встречаемся с Егором возле аптеки, и он передает мне злополучную тысячу. Я в знак благодарности хлопаю его по плечу, он небрежно отмахивается. Мы вместе покупаем все по списку, тащим до подъезда, а потом расходимся по квартирам.

- К тебе Егор заходил, - говорит мама. - Странный он сегодня. Заставил меня искать какой-то диск у тебя на столе. А потом сказал, что перепутал и этот диск у него. И пройти отказался, так и ждал в коридоре. Он не заболел часом?

- Не знаю, может быть, - бормочу я и выкладываю из пакета покупки. Потом отдаю маме сдачу и с ужасом думаю, что, если бы не Егор, сейчас бы у нас происходил совсем другой разговор.

Вечером мама идет купать Маринку, а мне велит собрать ее игрушки. Я поднимаю с пола зайцев, кукол, мячи и машинки и кидаю их в большую коробку. И вдруг... Я замечаю на дне коробки какие-то зеленые клочки. Я поднимаю один, второй, третий... и у меня темнеет в глазах. Это денежная купюра. Тысяча рублей, разорванная на четыре части.

Я чувствую, что задыхаюсь. Зажимаю клочки в руке, кричу папе, что я сейчас вернусь, и несусь вниз, на второй этаж. Дверь открывает отчим Егора, дядя Андрей.

- Я к Егору, - сообщаю я, подныриваю под его локтем и бегу по коридору.

- Ну проходи, - удивленно говорит он мне вслед.

Я шумно врываюсь в комнату. Егор разбирает постель. Я подхожу и разжимаю кулак перед его лицом. Он смотрит на смятые зеленые бумажки, поднимает глаза и усмехается:

- Все-таки дома потерял?

- Да, дома, - говорю я. - А Маринка нашла и порвала. И сунула к себе в игрушки. Я только сейчас обнаружил.

- Хорошо, что ты нашел, а не твоя мама.

- Где ты взял эту тысячу?

- Да какая разница? - говорит он и продолжает встряхивать одеяло. Но мне и не нужен его ответ, я и так знаю. Это его деньги. Он копит на роликовые коньки. Он мечтает о них уже долго, полтора года. Его мама напрочь отказывается покупать, она боится, что он свернет себе шею. Он эти ролики себе на день рождения просил, а мама - ни в какую! Мне, говорит, не денег жалко, а твои кости и голову. И тогда Егор решил сам накопить. Все деньги, которые мама дает ему на карманные расходы, он не тратит, а складывает в маленькую коробку из-под сока. Это у него копилка. Только недавно он радовался, что у него набралась целая тысяча. Мы пошли в магазин и обменяли кучу мелких денег, и железных, и бумажных, на одну тысячную купюру. Ту самую, что я

сегодня потратил на лекарства и продукты.

- Зачем ты это сделал? - спрашиваю я.

- Ну сделал и сделал, - говорит он. - Все же получилось?

- Ты думал, я не узнаю?

- Я думал, ты потерял ее на улице. Да не парься ты, Кит. Я еще накоплю.

Он улыбается, а у меня почему-то щиплет в носу.

- Я отдам, - говорю я и чувствую, как сипит голос.

- Отдашь, отдашь, - говорит Егор. - С первой полочки.

Я иду домой и думаю: как здорово, что у меня есть такой друг.

Егор

Ну вот, начинается! Мама в своем репертуаре. Уже Андрею жалуется на меня. Человек только что из караула, людям жизнь спасал, а она к нему с пустяками. Хоть бы позавтракать спокойно дала.

Ну подумаешь, вызывали ее вчера в школу, ну поговорила с ней наша Витаминка по душам. Чего с самого утра настроение портить? И себе, и другим.

Рвануть, что ли, прямо из своей комнаты к выходу? Без завтрака и даже без чая? Только до столовки еще два урока терпеть. Так и загнуться можно с голодухи. Вчера ведь еще и ужин пропустил. Спасался от маминого гнева во дворе до самой темноты.

Я беру портфель, по пути бросаю его возле порога и появляюсь в кухне.

- А, герой дня пожаловал, - говорит Андрей.

- Ну, расскажи дяде Андрею, что ты вчера натворил, - говорит мама.

- Да ничего особенного, - говорю я и сажусь за стол.

- Из-за «ничего особенного» в школу не вызывают! - возмущается мама. - Ты же бил девочку!

- Я не бил, - говорю. - Я отбивался.

- А завуч Виталина Вениаминовна сказала, что ты ее бил!

- А она там была, твоя Виталина Виталиновна?

- Да что же это такое? - раздражается мама. - Ты ему слово - он тебе десять! И это в пятом классе! Что дальше-то будет? Андрей, ну что ты молчишь?

Андрей невозмутимо делает глоток из кофейной чашки, потом говорит:

- Прежде чем делать выводы, надо выслушать и вторую сторону.

- Да что его слушать? Он сейчас тебе с три короба наплетет! Он же никогда не виноват, ты что, не знаешь?

Мама в сердцах швыряет нож в раковину.

- Мальцева душила меня ремнем от сумки, - говорю я Андрею и откусываю бутерброд. - А я шарахнул ее рюкзаком по голове, чтобы отпустила. А что, мне надо было ждать, когда она меня задушит?

- Бедная девочка после этого в медпункте лежала целый час, - говорит мама. - С головной болью.

- Так у меня в рюкзаке были кроссовки для физры и шесть учебников. И еще банка с лимонадом. А ты хотела, чтобы я сначала все вытряхнул, а потом уже

отбивался от нее?

- А если у нее сотрясение мозга?

- Там сотрясать нечего. Мальцева и так дура.

Мама стонет, как будто у нее самой болит голова. Андрей отставляет от себя чашку и смотрит на меня. Но не сердито, а с любопытством.

- А почему она тебя душила?

- Я ей на уроке подсказал неправильно.

- Случайно?

- Нет, нарочно.

- Зачем?

- Она пожаловалась училке, что это я на доске английское слово написал. И мне два по поведению поставили. А я не писал. Меня там даже не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/lederman_viktoriya/vsego-odinnadcat-ili-shury-mury-v-pyatom-d

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)